Соломан и Василий Окулович

Во славном во городе во Ту́исе

У ласкового князя у Владимира

Было пированье-столованье,

Стол шел полустолом,

Пир шел полу́пиром,

А Рахлинско царство полуцарствием.

Собиралося народу сорок царей со царицами,

Сорок королей с королицами,

Туто все было богатыри могучие.

Собиралися на думу на великую,

Собиралися они, принапивалися,

Принапивалися, стали пьянёшиньки.

Один молодец по застолу ходит.

Все молодцы да призахвастались.

Умный хвастат да старым отцом, да старой матерью,

Безумным-то хвастат да молодой женой,

Новой хвастат молодой силой,

Новой хвастат своей смёточкой,

Иной хвастат своей храбростью,

А иной хвастат золотой казной.

Один молодец по полу похаживат,

Таку речь да выговариват:

«Все вы, молодцы, поженены,

Белы лебеди замуж повыданы,

Я один, молодец, только холост хожу,

Я холост сижу, да не женат живу,

Нада мне молода жена,

Чтобы статным-статна да полновозрастна,

Волосой-косой она завесиста,

Чтобы сквозь рубашку тело виделось,

Сквозь тело да кости виделись,

Сквозь кости да мозги виделись,

Из кости в кость да мозг переливаетца,

Скопной жемчуг да пересыпаетца».

Говорит-то Поташенька:

«За тем морем, морем синиим,

У того царя премудрого

Есть жена, право, хорошая,

Она статным-статна да полновозрастна,

Волосой, русой косой завесиста».

Говорит-то да добрый молодец:

«Если, — говорит, — того дело,

Можно ли у живого мужа жену отнять?»

Поехал он за синё море торговать к царю Соломану.

Приехали они к царю Соломану —

Царя Соломана дома не случилося,

Уехал он во чисто поле.

Стали звать княгиню на корабль в гости:

«Поедем, княгиня, на корабль в гости к нам».

Она взяла девушку-чернавушку, куфарочку свою.

На корабль пришли да стали вино пить.

Стали посылать эту девушку-чернавушку домой вскоре:

«Никуды́ не ходи, никому не сказывай —

Куплю тебе ленту в пятьсот рублей.

Дешева кажетца — куплю за тысячу».

Она пошла, они отвалили домой.

Соломан-царь пришел домой —

Дома жены не случилося.

Стал поезжать за то море синее.

Говорит отец Соломану-царю:

«Насидишься ты под бабьей «жопой»

Дам я тебе тридцать три богатыря с собой».

Пошел Соломан-царь за женой,

Приехал ко синю морю.

Васенька Поповича дома не случилося.

«Гой еси, моя молода́ жена,

Пойдем домой да скоро-наскоро».

Говорит она царю Соломану:

«У вас житьё тяжёлое:

Утря́х встают — долго моются,

Утрях встают — долго Богу молятца,

А здесь-то житьё лёгкое:

Утрях станут — рожу не моютца,

Не моютца, Богу не молятца».

Говорит у ней царь Соло́ман премудрый: «Гой еси, молода́ жена! Как придет Васенька, куда я дева́юся?» Она распорола перину пуховую.

«Вот, говорит, этто». Сама села. Говорит она:

Уж т'ы гой еси, Васенька Окулович! Как бы был-то Соло́ман-царь, Что ты над ним сделал?» — «Я бы им отсёк буйну го́лову».

Она развернула перину: «Вот это он будет!»

«Говорит Соломан-царь:

«Уж ты гой еси, Васенька Окулович!

Не казнят царей — да больше вешают,

Делают рели превысокие,

Вешают три петёлки шелковые,

Перва петёлка — шелковая,

Втора́ петёлка — пенько́вая,

Третья петёлка — липковая».

Повели Соломана-царя премудрого вешать.

Говорит-то Соломан, царь премудрой:

«Уж ты гой еси, Васенька Окулович!

Дай мне поиграть да во турий рог,

Во турий рог да во первой након —

Проститьца мне да с гусьми-лебеди,

Проститьца мне да со белым светом,

Расстатьца мне да с добрыма людьми!»

Вот он играть стал во турий рог, плясал. Все смотрят, радуются. Шли, шли, шли. Он опять стал проситьца:

«Дай мне поиграть во ту́рий рог, Да во второ́й нако́н— Проститьца мне да с гусьми́-лебеди, Серы-маленьки утёнышки!»

Стал играть опять. Все в народе скачут, пляшут. Пришли к рельям. Опять стал проситьца:

«Дай мне поигратьца во ту́рий рог

Да во трете́й нако́н!»

Говорит-то Васенька Окулович:

«Что это звучит-громи́т да мать сыра земля?» —

«Летят да гуси-лебеди,

Серы да маленьки утёныши прощатьца со мной».

Говорит Соломан, царь премудрой:

«Ой вы гой еси, люди православные!

У кого есть стары отцы,

Стары отцы да стары матери,

Кого растить есть да дети малые,

Подьте скорей домой:

Моя смерть будет страховитая,

Страховитая да боязливая!»

На первой-то стал играть во три раза.

Так играл — те хоромы рассыпалися,

Новы-то хоромы приклонилися.

Тут прилетали гуси-лебеди:

Во-первых-то, бежит стар казак да Илья Муромец,

Во-вторых, — Семен да Леховитый блад,

Во-третьих, бежит Олешенька Попович блад...

(Тут всех по имени не вы́читашь!)

Пехнули Васеньку во петелку шелковую,

Молоду́ жену́ — в петелку пеньковую,

А Поташеньку Хромого — в петёлку липко́вую.

Таковы слова да говорили им:

«Два милых вместе и сводник тут!»

Вот они тут и стали и всех убили.

(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.